

Журка

Михаил Пришвин

Раз было у нас - поймали мы молодого журавля и дали ему лягушку. Он её проглотил. Дали другую - проглотил. Третью, четвертую, пятую, а больше тогда лягушек у нас под рукой не было.

- Умница! - сказала моя жена и спросила меня: - А сколько он может съесть их? Десять может?

- Десять, - говорю, - может.

- А ежели двадцать?

- Двадцать, - говорю, - едва ли...

Подрезали мы этому журавлю крылья, и стал он за женой всюду ходить. Она корову доить - и Журка с ней, она в огород - и Журке там надо, и тоже на полевые, колхозные работы ходит с ней, и за водой. Привыкла к нему жена, как к своему собственному ребёнку, и без него ей уж скучно, без него никуда. Но только ежели случится - нет его, крикнет только одно: „Фру-фру!", и он к ней бежит. Такой умница!

Так живёт у нас журавль, а подрезанные крылья его всё растут и растут.

Раз пошла жена за водой вниз, к болоту, и Журка за ней. Лягушонок небольшой сидел у колодца и прыг от Журки в болото. Журка за ним, а вода глубокая, и с берега до лягушонка не дотянешься. Мах-мах крыльями Журка и вдруг полетел. Жена ахнула - и за ним. Мах-мах руками, а подняться не может. И в слёзы, и к нам: „Ах, ах, горе какое! Ах, ах!" Мы все прибежали к колодцу. Видим - Журка далеко, на середине нашего болота сидит.

- Фру-фру! - кричу я.

И все ребята за мной тоже кричат:

- Фру-фру!

И такой умница! Как только услышал он это наше „фру-фру", сейчас мах-мах крыльями и прилетел. Тут уж жена себя не помнит от радости, велит ребятам бежать скорее за лягушками. В этот год лягушек было множество, ребята скоро набрали два картуза. Принесли ребята лягушек, стали давать и считать. Дали пять - проглотил, дали десять - проглотил, двадцать и тридцать, да так вот и проглотил за один раз сорок три лягушки.

Золотой луг

Михаил Пришвин

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало, идем куда-нибудь на свой промысел - он впереди, я в пяту.

“Сережа!” - позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет. И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие.

Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: “Очень красиво! Луг - золотой”. Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зеленый. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой.

Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошел, отыскал, одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки, как все равно если бы у вас пальцы со стороны ладони были желтые и, сжав в кулак, мы закрыли бы желтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони, и от этого луг становился опять золотым.

С тех пор одуванчик стал для нас одним из самых интересных цветов, потому что спать одуванчики ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.